подборкой фотографий из личного архива Теодора Ильича. Для историка философии «Запечатленное время» будет хорошим источником сведений о внутренних подробностях устройства советского научного истеблишмента и контролирующего его административного аппарата. Для остальных эта прекрасно написанная книга будет просто увлекательным чтением.

Институт философии РАН **А.Т. Юнусов**
forty-two@mail.ru

Р.С. Гранин. *Эмиль Чёран. Приближение к ускользающему философу*. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2024. – 126 с. ISBN 978-5-98712-446-8.

DOI: 10.21146/0134-8655-2025-40-2-235-238 УДК 1(091)

Книга Романа Гранина «Эмиль Чёран. Приближение к ускользающему философу» действительно является первым приближением – это первая монография о румыно-французском эссеисте и мыслителе-пессимисте на русском языке. Творчество Чёрана не раз привлекало внимание зарубежных авторов (перечень румыно-, франко- и англоязычных монографий, посвященных «культовому философу», приводится во введении к книге). Лишь одно из исследований – «Забытый фашизм. Ионеско, Элиаде, Чоран» («Cioran, Eliade, Ionesco. L'oubli du fascisme: trois intellectuels roumains dans la tourmente du siècle») Александры Ленель-Лавастин – было переведено на русский язык и опубликовано в 2007 г.[1]; в его фокусе – спорное прошлое «великих парижских румын» и прежде всего их политические взгляды 1930-х гг.

Небольшая по объему работа Гранина посвящена не философии (автор не ставит задачи проанализировать или рекон-

[1] Александра Ленель-Лавастин, *Забытый фашизм. Ионеско. Элиаде. Чоран* (М.: Прогресс-Традиция, 2007).

© Ворожихина К.В., 2025

струировать философские взгляды Чёрана), она представляет собой скорее интеллектуальную биографию румынского мыслителя. Первое, что обращает на себя внимание, – это написание фамилии: вместо знакомого «Чоран» (или на французский манер «Сиоран») на обложке значится «Чёран». Вслед за М. Рэдулеску, специалистом по румынской генеалогии, автор книги возводит фамилию «Чёра́н» к славянскому «черный», довольно убедительно доказывая правильность именно такого написания и произношения фамилии философа.

Книга состоит из двух частей. В первой автор стремится проследить румынские истоки творчества Чёрана, углубляется в историю его семьи и рода, ищет и локальные, румынские, и общеевропейские корни его мировоззрения.

Эмиль Чёран родился в Трансильвании, входившей в состав Австро-Венгерской империи, в семье сельского православного священника. С самого рождения он столкнулся с «проблемой идентичности», как бы зашифрованной в самом имени «Эмиль», подчеркивающем латинскую генеалогию румын – потомков римских колонизаторов славянской Дакии (с. 11). «Что значит быть румыном?» – одна из важнейших тем его размышлений.

Гранин подробно знакомит читателя с географией мест, откуда происходит философ, и с историей румын («терпимой нации»), – возможно, даже слишком подробно: изложение перегружено деталями, не играющими существенной роли в дальнейшем повествовании и явно избыточными (см. с. 12–14; 20). Значительно больший интерес представляет история рода Чёранов и близких ему семей, многие из которых оставили след в национальном движении, были яркими культурными, политическими и религиозными деятелями Румынии (см. с. 15–18). Книга погружает нас в атмосферу детства и юности мыслителя, прошедших в Сибиу, Бухаресте и Берлине, дает представление о личности, особенностях характера Чёрана, рассматривает экзистенциальные и интеллектуальные кризисы, которые довелось пережить автору «Искушения существованием» («La tentation d’exister»). Однако печально известному эпизоду биографии Чёрана, связанному с его участием в фашистской антисемитской «Железной гвардии», уделен один-единственный абзац. Когда Гранин пишет о чёрановской скандальной книге

«Преображение Румынии» («Schimbarea la faţă a României», 1936), он несколько затушевывает ее содержание, пытается несколько прикрыть крайний национализм своего героя фразами типа: «Страницы книги заполнены бешеными мегаломаниакальными мечтами о “бредовом” варианте Румынии “с судьбой Франции и населением Китая”»; «Ее сюжет – причудливые поиски молодым Чёраном подходящей самости для реформирования нации, которая соответствовала бы его самоощущению» (с. 62) и другими подобными пассажами, которые являются, стоит заметить, незакавыченным (и в литературном отношении небезупречным) переводом фрагментов из книги Илинки Зарифополь-Джонсон «В поисках Чёрана» («Searching for Cioran»)[2].

В результате этого во второй части книги, посвященной парижскому периоду жизни и творчества Чёрана (1937–1995), Гранин обходит стороной внутреннюю драму зрелого мыслителя, которая была связана, с одной стороны, с его потребностью прояснить для себя и переосмыслить свое прежнее увлечение фашистским движением, а с другой – с желанием избежать огласки довоенного румынского прошлого. По сравнению с первой, парижская часть книги кажется смазанной, лишенной психологической глубины, а внутренние и внешние события сводятся к жизни европейского обывателя – встрече с «единственной спутницей жизни» Симоной Буэ, короткому роману с молодой поклонницей, переезду из гостиницы в квартиру и болезни, разрушившей его разум. Создается впечатление неравномерности книги: две трети работы посвящены поиску румынских корней философа и истоков его мировоззрения, французскому же периоду уделено на удивление мало внимания, а ведь именно тогда Чёраном была написана бóльшая часть его текстов.

Гранин стремится подчеркнуть, что румынский философ был русофилом и «ничто русское» ему «не чуждо» (с. 107). Чёрана влекло к России как «к чему-то большому, страшному и таинственному» (с. 10). Он был очарован русским православием, восхищался русской литературой (его любимый автор – Достоевский). «Как близки мне русские писатели, как я их понимаю! –

---

[2] См.: *I. Zarifopol-Johnston, Searching for Cioran*, ed. by K.R. Johnston (Bloomington: Indiana University Press, 2009), 92, 93.

цитирует Гранин Чёрана. – О том, что я происхожу от них, свидетельствует мое лицо, а также глубочайшая дрожь. Та же потребность потерять точку опоры, опьянеть от головокружения, покатиться от избытка чувств, тот же болезненный, напряженный дурной вкус» (Цит. по: с. 9). Он неровно дышал к русской религиозной философии (В. Соловьёву, Л. Шестову, Д. Мережковскому, Н. Бердяеву), привлекавшей его, правда, не содержанием, а «как все экстремальное, авантюрное и непроверяемое» (Цит. по: с. 9). В целом рассуждения Чёрана о России и русской культуре зачастую «ироничны, саркастичны и гротескны» (с. 10), парадоксальны и, безусловно, неоднозначны. В конце книги (в приложении) Гранин приводит выдержки из «Дневников» Чёрана – заметки мыслителя о России и русских (с. 107–117).

На мой взгляд, автор находится под обаянием фигуры философа, ему сложно абстрагироваться и посмотреть отстраненным исследовательским взглядом на личность и творчество Чёрана, а также – дистанцироваться от уже написанных о нем биографических книг. Бросается в глаза зависимость автора от упомянутой книги Зарифополь-Джонсон – как ее структуры («географической проекции»), так и содержания (иногда трудно понять, чего больше в тексте Гранина – пересказа чужой работы или ее перевода).

Предложенная биография Эмиля Чёрана в очередной раз показывает, что современная западная культура в значительной степени является творением *изгоев* – эмигрантов, беженцев, «посторонних». Монография Гранина (и книга Зарифополь-Джонсон) – это история о том, как маргинальный, провинциальный, «подпольный» интеллектуал, изгнанник и апатрид стал свидетелем (если не героем) нашего времени: «эпохи концентрационных лагерей» (с. 78), нигилизма и «разложения основ». Однако тема интеллектуального экстремизма – увлеченности молодых представителей «мыслящего сословия» радикальными идеологиями и проектами, этот вечный сюжет новейшей истории, – остается недосказанной в книге Гранина.

Институт философии РАН **К.В. Ворожихина**
x.vorozhikhina@gmail.com